

ПРАВО

УДК 340.115.4; 304.42

КОММУНИКАТИВИСТИКА VS ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРАВЕ

О. Ю. Голуб

доктор социологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций, Саратовский государственный университет
E-mail: goloub@inbox.ru

С. В. Тихонова

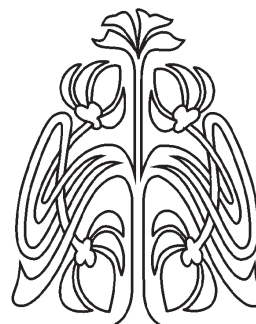
доктор философских наук, профессор кафедры социальных коммуникаций, Саратовский государственный университет
E-mail: segedasv@yandex.ru

Введение. Коммуникационные революции XX в. радикально изменили коммуникационное пространство. Формирование научной модели современного коммуникационного пространства оказалось делом крайне сложным для гуманитарной науки в целом и придало новый импульс развитию новой отрасли междисциплинарных исследований – коммуникативистики. Юридическая наука в исследовании Интернета пошла своим путем. Если коммуникативистика ориентирована на рассмотрение социальных аспектов Интернета, то юридическая наука исходит именно из его технических характеристик. Для обеих версий источником послужил классический информационный подход. **Обсуждение результатов.** Информационный подход, распространенный в информационном праве, акцентирующий категорию информации, оставляет без внимания родовидовые атрибуты процессов коммуникации, ее структуру и состав коммуникантов. Логика выделения отрасли информационного права в этом методологическом русле строится на вычлениении в социальном пространстве особой сферы – информационной, в которой разворачиваются информационные общественные отношения, то есть такие общественные отношения, объектом которых выступает информация. Однако такой подход актуализирует проблему демаркации информационных и неинформационных общественных отношений и не учитывает специфики технически опосредованных отношений, характерных для информационного общества. **Заключение.** Авторы выражают надежду, что противостояние коммуникативистики и информационного подхода в теории информационного права уступит место новому методологическому синтезу.

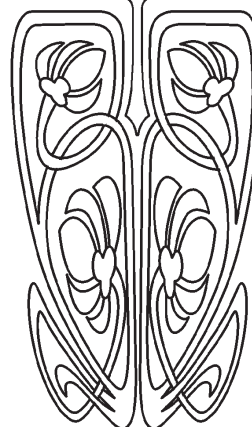
Ключевые слова: методология информационного права, информационное право, коммуникация, коммуникативистика, информационное общество.

Введение

В XX в. произошло две коммуникационных революции – расширение радио, телевидения и Интернета. Итогом их стало формирование и бурное развитие глобального многомерного коммуникационного пространства, послужившего основой современной медиасреды. В рамках последней осуществляется не только трансляция культуры, но и все возрастающее число разнообразных социальных интеракций. Современное коммуникационное пространство интегрирует различные виды коммуникации – личную, групповую, массовую, сетевую, и опирается на сложную техническую инфраструктуру. Очевидно, что настолько сложный и многоаспектный

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

феномен крайне трудно операционализировать. Формирование научной модели современного коммуникационного пространства оказалось делом крайне сложным для гуманитарной науки в целом и придало импульс развитию новой отрасли междисциплинарных исследований – коммуникативистики (Communication science), науки об особенностях различного рода взаимодействий внутри социальных (человеческих) систем [1].

Цель данной статьи – анализ доминирующего в описании общественных отношений в теории информационного права информационного подхода и выявление путей обогащения его эвристического потенциала посредством интеграции теоретических достижений современной коммуникативистики.

Обсуждение результатов

К настоящему времени в среде ученых, занимающихся исследованиями коммуникации, сложилось понимание того, что, во-первых, коммуникация есть объективный процесс передачи информации одним субъектом другому, а во-вторых, в рамках этого процесса конструируются новые смыслы, интерпретации, поведенческие практики. Однако что касается формирования общепризнанной теории коммуникации, то здесь пока нет единой, разделяемой всеми методологической платформы.

Анализ зарубежных публикаций позволяет выявить три уровня исследования или стадии познания коммуникации. Первый уровень составляют концепции, отражающие философскую перспективу. В качестве базовой категории анализа выступает коммуникация, но разные концепции предлагают свои варианты описания, объяснения и предсказания социальной реальности. На втором уровне разрабатывается методология исследования коммуникативных процессов в конкретной социальной среде на основе развития инструментальных аспектов философских концепций. Изучение коммуникации в определенном контексте – это третий, эмпирический уровень. Все уровни анализа находятся во взаимосвязи, взаимодополнении и взаимовлиянии [2].

На сегодняшний день существуют многообразные научные подходы к изучению коммуникации. Сложилось информационно-кибернетическая, философская, социологическая, этнографическая, этологическая, психологическая, лингвистическая, семиотическая и другие концепции. Во всех теориях присутствует понятие коммуникации в качестве базовой категории анализа, однако множественность подходов обуславливает плюралистичность понимания ее сущности [2, с. 5], что, в свою очередь, определяется разной трактовкой природы и специфических характеристик коммуникации. По ряду характе-

ристик коммуникации в среде ученых достигнуто согласие. К таковым относятся следующие.

1. *Коммуникация является символическим процессом.* При изучении коммуникации внимание фокусируется на символической деятельности людей, опосредованной символами как типом знаков. Если знак – это нечто свидетельствующее о наличии другой сущности, то *символ* отличается преднамеренностью конструирования для ее репрезентации. Когда существует соглашение между людьми по поводу значения символа, он может быть использован одним субъектом для стимулирования восприятия другим той сущности, которую репрезентирует данный символ. Свойства знаков и знаковых систем являются предметом изучения семиотики. В рамках теорий коммуникации обращается внимание в основном на *деятельность*, предполагающую использование символов.

2. *Коммуникация является социальным процессом.* Коммуникация – это многогранное явление, одни ее элементы имеют сходство с взаимодействием биологических организмов (животных), другие связаны с психологическими характеристиками индивидов. В рамках большинства подходов делаются попытки подчеркнуть значение именно социальной составляющей коммуникации, которая имеет принципиальные отличия от других форм взаимодействия. При этом важно учитывать, что каждый из участников коммуникации является представителем определенных социальных групп и действует в конкретном социальном контексте. В современных трактовках межличностной коммуникации, в которых психологическая составляющая может быть представлена наиболее весомо, явно обнаруживается уход от изучения действий отдельных участников этого процесса к анализу их совместной деятельности и взаимовлияния, опосредованных социальной средой.

3. *Коммуникация предполагает наличие ориентации и взаимного влияния ее участников друг на друга.* Одним из условий эффективности интеракции становится формирование общих интерпретаций разных аспектов коммуникативной ситуации. Важность ориентации участников коммуникации друг на друга проявляется в процессе и вербальной, и невербальной коммуникации. Коллективное действие группы людей включает в себя малые взаимодействия, которые образуют социальные сети. Социум невозможен без кооперативного поведения членов группы, которое подразумевает наше понимание намерений других людей, которые, в свою очередь, понимают нас и других. В кооперации происходит прочитывание намерений и действий людей на основе разделяемого всеми значения, которое Дж. Мид назвал значимым символом.

4. *Коммуникация предполагает наличие индивидуальных интерпретаций.* Многие трактовки сущности коммуникации в рамках парадигмы трансмиссии основаны на идее передачи информации. В такой ситуации смысл сообщения идентичен для обоих участников действия, однако в реальности возможно конструирование собственной уникальной интерпретации символов каждым индивидом.

Способность видеть ситуацию с позиции другого человека позволяет знать и предвидеть поведение других. Ожидание заранее известных последствий может удерживать от нерациональных поступков, позволяет думать и действовать адекватно. Поэтому участники символической интеракции перманентно интерпретируют слова и действия друг друга, что выступает предпосылкой взаимодействия как обмена символами.

5. *Коммуникация предполагает наличие общих интерпретаций.* Конструирование собственной уникальной интерпретации символов каждым индивидом в процессе коммуникации возможно лишь теоретически. В действительности наличие общего языка, опосредующего коммуникацию, общий культурный контекст взаимодействия и т. п. имеют следствием весьма ограниченный набор интерпретаций. Даже в ситуации общения с представителем другой культуры, говорящим на другом языке, можно попытаться достичь понимания, объясняя свои намерения посредством невербальных символов. Наличие общей интерпретации выступает необходимым условием успешной коммуникации, что логически развивает тезис скорее о социальной, нежели индивидуальной ее природе.

6. *Коммуникация имеет место в определенном контексте,* что оказывает сильное влияние на разные характеристики коммуникативного процесса. Идея контекстуальности заключается в уникальности основных компонентов процесса коммуникации (отправитель сообщения, само сообщение и его получатель) в разных социальных ситуациях. Следовательно, интерпретации сообщений в разных контекстах могут существенно различаться. Контекстуальная природа признается практически всеми теориями коммуникации. Некоторые разногласия возникают только по поводу оснований для классификации ситуаций взаимодействия. Чаще всего в качестве контекстов упоминаются следующие социальные среды:

- внутриличностная – подразумевает индивидуальное восприятие и формирование впечатлений на уровне индивидуального сознания;
- межличностная – предполагает наличие двух участников и отсутствие лиц-посредников;
- групповая – возникает между тремя и более индивидами, при этом численность группы не может превышать 15–20 человек;

– организационная – предполагает наличие организации с определенными целями и задачами, включает как внутренние, так и внешние взаимодействия;

– публичная – возникает при наличии одного отправителя сообщения, транслирующего информацию большой аудитории;

– массовая – опосредуется электронными или печатными средствами и предполагает наличие большой анонимной рассредоточенной аудитории как получателя сообщений, а также слабую обратную связь;

– межкультурная – предполагает взаимодействие субъектов как представителей разных культур.

Среди ученых имеются разногласия и наибольшее количество споров по следующим характеристикам коммуникации, описывающим ее природу.

1. *Коммуникация является намеренной, целенаправленной деятельностью.* Целенаправленность субъектов рассматривается в качестве необходимого элемента коммуникативного процесса только в некоторых традициях анализа. Согласно одной из точек зрения, коммуникация имеет место лишь в случае намеренности действий как отправителя сообщения, так и получателя. В остальных случаях коммуникация как таковой не происходит. Если отправитель намерен послать сообщение, но получатель не признает его намерений, то ситуация идентифицируется как попытка осуществить коммуникацию (примером являются усилия одного человека привлечь внимание другого, не достигающие своей цели). Если отправитель не намерен отправлять сообщение, а получатель принимает воображаемые намерения за действительность, то это ситуация конструирования коммуникации.

2. *Коммуникация – планируемое поведение.* Данное положение является развитием представлений о намеренности действий ее субъектов. Основой для планирования коммуникации выступают потребности индивида, его социально-психологические установки и ценностные ориентации. Различают вербальный и невербальный типы плана коммуникации. В первом случае человек планирует, что он скажет в той или иной коммуникативной ситуации. Кроме того, вербальные планы дифференцируются, во-первых, с точки зрения времени формирования – заранее, задолго до коммуникативной ситуации и непосредственно в момент ее наступления, экспромтом; во-вторых, с учетом аспекта повторяемости процесса планирования – планы однократно и неоднократно используемые; в-третьих, по степени устойчивости как неизменные или постоянно корректируемые в зависимости от обстоятельств. Другим типом плана коммуникации является невербальный, который может предшествовать либо следовать за

выполнением вербального, но чаще они формируются параллельно. Классификация невербальных планов проводится по тем же основаниям, что и вербальных.

3. *Коммуникация является процессом трансакционным.* Европейская традиция изучения коммуникации, прежде всего массовой, предполагает акцентирование внимания на тексте как основном ее элементе. Фокус внимания переносится на процесс «соприкосновения» аудитории с текстом, в котором осуществляется воспроизводство смысла сообщений. Анализ конкретных случаев понимания текста переводит в разряд второстепенных идею транзакционности процесса коммуникации, получившую большее распространение в Северной Америке.

Использование в данном термине приставки «транс-» вместо «интер-» не случайно, так как призвано подчеркнуть наличие процесса многостороннего обмена сообщениями между имеющими определенную мотивацию участниками, их взаимное влияние не только друг на друга, но и на среду. Внимание сконцентрировано, главным образом, на изучении взаимоотношений участников коммуникации.

Транзакционная природа коммуникации означает, что каждая ситуация в каком-то смысле уникальна, поскольку случается в конкретной физической и социальной среде в определенный момент времени, а также предполагает участие людей с определенной мотивацией. Именно данный подход признает наличие двух параметров сообщения: его содержания и характеристики отношений участников. В процесс интеракции включаются не только для обмена информацией или собственными мнениями, но и для поддержания сложившихся взаимоотношений. Фактически природа отношений помогает корректно интерпретировать содержание сообщения (одна и та же фраза может быть воспринята как приказ, просьба, подтверждение, саркастическое высказывание и т. п.).

Процесс обмена информацией, установление взаимопонимания между участниками коммуникации предполагает наличие определенной социально-психологической среды или коммуникативного пространства, где осуществимо построение адекватной коммуникативной модели. Взаимосвязь участников коммуникативного процесса с коммуникативным пространством прослеживается по нескольким направлениям, а именно: в непосредственной связи и постоянной зависимости между ними, что сказывается на системе декодирования и кодирования знаков, содержании сообщения; в целенаправленном взаимодействии субъектов взаимодействия и коммуникативного пространства; в возникновении противоречий между коммуникационным пространством и индивидом при отсутствии в

нем условий для удовлетворения информационных потребностей личности; в возникновении в коммуникативном пространстве механизмов, которые способствуют или не способствуют взаимопониманию между субъектами информации; во влиянии коммуникативного процесса на коммуникативное пространство и наоборот, что ведет к изменениям каждого из них; в возникновении противоречий между участниками коммуникативного процесса и коммуникативным пространством в случае отсутствия в последнем условий для эффективного обмена информацией, налаживания взаимопонимания и диалога.

Общее коммуникативное действие субъектов общения предполагает наличие обратной связи, которая означает, что коммуникатор только тогда поймет, что его информация проинтерпретирована правильно, когда реципиент примет на себя роль коммуникатора и своим высказыванием подтвердит, что он понял смысл информации. Канал обратной связи есть в любом взаимодействии, благодаря чему коммуникация приобретает характер социально-психологического контекста.

Таким образом, результатом успешной коммуникации является создание общего смысла, достижение соответствующего уровня развития общего коммуникативного действия, что ведет к увеличению и принятию (непринятию) информации. Информационный обмен возможен лишь в условиях информационного разнообразия, когда же такое разнообразие отсутствует (независимо от того, каков характер этого разнообразия), он неосуществим.

На сегодняшний день в научной литературе сложилось три основные парадигмы, вбирающие различные подходы и теории социальной коммуникации [3].

Информационная (классическая) парадигма социальной коммуникации понимает коммуникацию как процесс передачи информации (сигнала, сообщения) от источника к реципиенту. Данная трактовка стала формообразующей для социокоммуникативного знания и, по сути, является самой распространенной среди исследователей.

Классическая парадигма коммуникации весьма результативна при изучении коммуникативных практик, связанных с воздействием на аудиторию: деятельность СМИ, властных и политических структур, публичной коммуникации, организации маркетинга и других, то есть таких практик, в которых реализуются те или иные формы манипулятивного воздействия.

Интеракционная (неклассическая) парадигма характеризуется тем, что в ее рамках коммуникация трактуется не как информационное воздействие, а как результат взаимодействия равных субъектов, как интеракция, в ходе которой рождаются общие смыслы и значения. К неклассической парадигме коммуникации относят

феноменологический, семиотический, социопсихологический, критический подходы. В социологической теории данная парадигма находит свои методологические основания в субъективистском подходе, в первую очередь, в символическом интеракционизме и в других теориях, продолжающих его традиции (драматургический подход И. Гофмана, этнометодология Г. Гарфинкеля, теория интерактивных ритуалов Р. Коллинза и др.). Неклассическая парадигма зарекомендовала себя при исследованиях практик межличностного общения, выработки и интерпретации символов и знаков, форм межкультурной коммуникации и формирования идентичности в условиях другой культуры (проблема толерантности), способов разрешения конфликтов.

Традиции постнеклассической парадигмы предписывают рассмотрение коммуникации как переплетение дискурсных и нарративных практик, складывающихся «здесь и теперь». При этом обращается внимание не только на языковые практики, но и на экстралингвистические (внеязыковые), то есть на тот социальный контекст, который породил ту или иную форму коммуникативной практики. К постнеклассической парадигме относят и синергетическую интерпретацию коммуникации как процесса спонтанно самоорганизующихся коммуникативных систем, создание ситуативной целостности на основе когерентности поведения и дискурсов участников коммуникации (данный подход наиболее последовательно представлен в теории коммуникативных систем Н. Лумана).

Важно, что все исследовательские парадигмы сосуществуют одновременно и применяются в зависимости от конкретной исследовательской задачи. Классическая парадигма наиболее плодотворна при изучении эффективности информационного воздействия и социального влияния, поскольку отражает онтологию иерархических отношений в обществе. Неклассическая парадигма уместна при изучении различных форм интеракции, так как отражает онтологию социального партнерства и формирования коммуникативной целостности взаимопонимания. Постнеклассическая парадигма эффективна при изучении ситуативных дискурсных конфигураций, поскольку отражает онтологию сетевых коммуникаций в современном обществе.

Достаточно успешно такой подход может быть применим к исследованиям Интернета как совокупности сетевых отношений, модифицированных социальных институтов, технологий и технических средств, связанных через компьютерно опосредованные линии, и как весьма специфических форм человеческого поведения [4, с. 351]. В настоящее время Интернет формирует глобальное информационно-коммуникативное пространство, служа физической основой для

веб и множества систем (протоколов) передачи данных, что определяет несколько уровней его исследования: коммуникационный (технический аппаратный и технологический программный) и коммуникативный (антропоцентрический). Все уровни коммуникации в Сети находятся в системно-функциональной взаимосвязи и взаимозависимости. Важно подчеркнуть также синергетический характер подобной многоуровневой коммуникации [5].

Сегодня Интернет – это не только и не столько технология, сколько социальная реальность, глобальное пространство, институт взаимодействия со всей системой современного общества, главной характеристикой которого выступает коммуникативность. Влияние Интернета на антропоцентрическую, социальную коммуникацию несомненно. ООН в 2011 г. приравнило свободу доступа в Сеть к свободе слова [5]. Интернет становится ключевой частью социальных коммуникаций, его распространение создает условия для организации совершенно новых способов коммуникации применительно к самым разным сферам человеческой жизни. Это новый виртуальный мир, новое социальное измерение, существующее наряду с традиционной социальной жизнью и отражающее ее особенности [4, с. 352].

Таким образом, вместе с Интернетом в рамках всего человечества была создана новая коммуникативная среда, постепенно поглощающая все новые и новые фрагменты социума и усиливающая общественную потребность в широком распространении гипертекстов. В этом смысле устный, письменный и электронный виды коммуникации можно рассматривать как отдельные и последовательные этапы развития коммуникативного дискурса.

Между тем анализ работ представителей гуманитарных наук, посвященных изучению Всемирной сети, показывает, что до сих пор превалирует технологический подход, несмотря на то, что имеется достаточно богатая эмпирическая база для изучения Интернета как феномена социальной коммуникации [6, 7]. Однако присутствуют попытки описания функций Интернета исключительно как коммуникативных, как общение между отдельными людьми и целыми народами без вмешательства правительства, или иными социальными функциями, но без учета коммуникационной специфики Интернета, например виртуальности коммуникантов [8, 9].

Наиболее перспективным представляется методологический подход к исследованию Интернета, предложенный некоторыми учеными [5], с учетом как коммуникационной, так коммуникативной его ипостасей. На наш взгляд, это позволяет сформировать более адекватное представление о данном феномене. В соответствии с

предлагаемой методологией Интернет, с одной стороны – информационно-коммуникативная технология, всемирная система компьютерной коммуникации, осуществляемая посредством искусственного языка машинных кодов и реализующая коммуникативные возможности, а с другой стороны – информационно-коммуникативное пространство, формируемое на основе аппаратной и программной инфраструктур в результате совокупности процессов коммуникации всех субъектов.

Юридическая наука в исследовании Интернета пошла своим путем. Если коммуникативистика ориентирована на рассмотрение социальных аспектов Интернета, то юридическая наука исходит именно из его технических характеристик. Для обеих версий источником послужил классический информационный подход.

Информационный подход восходит к 40-м гг. XX в., когда К. Шеннон ввел в оборот базовые понятия теории информации – «мера количества информации», «пропускная способность канала связи, эффективное кодирование сообщений» [10]. Призванные описывать статистические процессы передачи информации в технических, природных и социальных системах, они очень быстро стали применяться для описания на общем уровне процессов получения, обработки и хранения информации. Процесс передачи информации (сообщения) в теории информации описывается следующей схемой: источник сообщения → передатчик → канал связи → сообщение → канал связи → приемник → адресат.

Постулаты теории информации разрабатывались в трудах Г. Лассуэла, У. Уивера, М. Л. де Флюера, Ч. Осгуда, У. Шрамма, совершенствовавших представления о коммуникативной цепи и влияющих на эффективность ее работы факторах.

Необходимо отметить, что теория информации рассматривала понятие «информация» исключительно с количественной стороны, безотносительно к ее ценности и смыслу: страница машинописного текста для теории информации всегда содержит относительно одинаковое количество информации независимо от того, напечатан на ней текст или бессмысленный набор символов.

Применение теории информации в середине XX в. ограничивалось моделированием систем связи. Поскольку последние предназначены для безошибочной передачи по каналу связи информации, представленной любым набором символов, применение было эффективным. Однако характерный для теории информации количественный подход неприменим в тех случаях, когда на переднем плане оказывается оценка значимости и смысла информации. Это обстоятельство нашло отражение в трудах отечественных ученых-юристов, занимающихся теорией

информационного права. Так, В. Н. Лопатин в фундаментальной теоретической главе учебника «Информационное право», посвященной основам теории информации, приходит к следующему выводу: «...создание теории, которая отражала бы качественную сторону информации, – дело будущего, но некоторые шаги в этом направлении уже делаются (алгоритмический, семантический, топологический подходы к информации и др.)» [11, с. 26].

Дальнейшая отработка коммуникационных схем развивалась коммуникативистами, дополнявших их семиотическими и когнитивными аспектами, такими как смысл и значение, восприятие и понимание. Однако в нашей стране коммуникативистика получила сравнительно позднее признание, поскольку глобальные коммуникационные процессы подвергались рефлексии в рамках теории «информационного (постиндустриального, информационного, технотронного и др.) общества».

С появлением последней ведущую роль в информационном подходе стало играть понятие «информация». Апологеты доктрины информационного общества исходили из тезиса о том, что оперирование информацией стало основой новых экономик, а сектор услуг и образования оказался не менее значимым, чем промышленность и сельское хозяйство. Подход, акцентирующий новое значение информации, получил название информационного. Именно он стал методологической платформой формирующегося отечественного информационного права.

Логика выделения отрасли информационного права в этом методологическом русле строится на вычленении в социальном пространстве особой сферы – информационной, в которой разворачиваются информационные общественные отношения, то есть такие отношения, объектом которых выступает информация. В. А. Копылов полагает, что в объем понятия «информационная сфера» включены два множества: 1) общественные отношения, возникающие по поводу таких специфических объектов, как программы для ЭВМ; компьютеры; информатика как наука, изучающая информацию; одновременно «информация» и «компьютеры» как причинно связанные понятия; телекоммуникация как средство передачи, получения информации и удаленной связи; 2) информационные права и свободы [12]. Информация при таком подходе оказывается одним из объектов социального обмена. И хотя сам автор пишет о том, что «при исследовании этой (информационной. – О. Г., С. Т.) среды целесообразно опираться на информационный подход, основанный в первую очередь на методах правовой информатики и правовой кибернетики» [12], реально такой подход основан именно на качественном подходе к информации.

Последний отчетливо проявляется в определениях информационного права. Так, согласно М. М. Рассолову, информационное право является совокупностью юридических норм и институтов, регулирующих информационные отношения в информационной сфере [13]. И. Л. Бачило и В. Н. Лопатин расширяют это определение, конкретизировав виды информационных правоотношений: «...информационное право – совокупность правовых норм, регулирующих отношения в информационной сфере, связанных с оборотом информации, формированием и использованием информационных ресурсов, созданием и функционированием информационных систем в целях обеспечения безопасного удовлетворения информационных потребностей граждан, их организаций, государства и общества» [11]. В. А. Копылов дает следующую дефиницию информационного права: система охраняемых государством социальных норм и отношений, возникающих в информационной сфере – сфере производства, преобразования и потребления информации [12, с. 84]. Как видим, именно категория «информация» является исходным для этих определений, она используется в качестве атрибутивного признака описываемого объекта. Никаких характерных для теории информации категорий (приемник, передатчик, канал, сообщение, код) в них не используется.

Сегодня «информация» – одно из основных научных понятий. Наряду с такими понятиями, как «вещество», «энергия», «пространство и время», оно составляет основу современной научной картины мира. Однако информация – одна из самых проблемных общенаучных категорий, не имеющая не только однозначного определения, но и соответствующего научного объекта. Этот термин нельзя определить через более простые понятия. Категориальный анализ наличных дефиниций данного понятия показывает, что информация определяется через знаки, данные или сообщения, которые, в свою очередь, определяют через информацию.

В этой связи информационный подход неоднократно подвергался критике. А. В. Соколов так оценивает категории «информация» и «информационный подход»: «Информации, как и изумрудных городов, нет в объективной действительности. Правы информационные нигилисты: “никто еще не видел ни как субстанцию, ни как свойство эту загадочную информацию”. Информация – искусственно созданный умственный конструкт, плод информационного подхода. Причем информационный подход первичен (сперва одените “информационные очки”!), а информация вторична. Информационный подход – методологический принцип научного познания, заключающийся в рассмотрении объектов изучения через призму категории информации.

Возможны два режима использования информационного подхода: корректный, когда информационные модели и реальная действительность отделяются друг от друга, и некорректный, когда информация отождествляется с реальными объектами (сигналы, знания, свойство отражения, структура и др.). Некорректный подход широко распространен в науке и практике, потому что он способен выполнять полезные функции: номинативную, конструктивную, описательно-объяснительную» [7]. Действительно, информация несубстанциальна, ее невозможно реально выделить из процессов взаимодействия материальных систем.

Информационный подход – всегда идеализация, методологическая условность и абстрактная метафора. И. Л. Бачило, например, говоря о новом статусе информации в социальной реальности современного общества, отнюдь не случайно использует знак кавычек: «...к середине XX в. информация как самостоятельный феномен социальной жизни “выделилась”, став предметом системообразующего значения и активно формирует отношения, которые условно обозначаются как информационные отношения» [11].

Когда мы рассматриваем информацию как способность систем отражать внешний мир посредством знаков и сигналов, мы должны признать, что любой социальный обмен невозможен вне информационного обмена, то есть любые общественные отношения являются информационными. Тем самым возникает угроза полного сбоя операционализации понятия. Эту трудность признают и сами ученые, специализирующиеся в области информационного права. Например, И. Л. Бачило указывает, что «информация в определенных формах как материальный и нематериальный предмет отношений входит элементом в любые правоотношения» [11]. М. А. Лапина и соавторы отмечают, что практически все общественные отношения содержат информационную составляющую, и на этом основании предлагают разграничивать широкое и узкое понимание информационного права [14]. В широком смысле к нормам информационного права можно отнести любые нормы, регулирующие процесс передачи сведений одним лицом другому. Однако в этих случаях информационная деятельность играет вспомогательную роль, то есть является средством для достижения цели, лежащей за пределами информационной сферы. В узком смысле к информационному праву могут быть отнесены лишь такие нормы, которые регулируют информационные процессы, являющиеся самоцелью, то есть когда информация есть не только средство достижения чего-либо иного, но и конечный итог. Де факто это означает сведение предмета информационного права к сферам личного общения (вообще регулируемого право-

выми средствами в очень скромных объемах), массовой информации и функционирования технической информационно-коммуникационной инфраструктуры, что де юре далеко не так.

Кроме того, проблемы качественного информационного подхода в юридической науке связаны и с легальным определением информации. Как отмечает И. Л. Бачило, информационное право реализуется в четырех формах, к которым относятся: доктринальное, научное развитие проблем, средств, направлений их использования в процессах информатизации общества; развитие законодательства в данной области правовых отношений; учебная дисциплина в средних, высших и академических формах образования и повышения профессиональной подготовки специалистов, массового обучения граждан использованию информационных технологий; способ развития и воспитания правосознания [15, с. 82]. Доктринальная форма находится в тесной связи с законодательной и, по идее, призвана обеспечивать ее развитие и совершенствование. Однако обратная связь между этими формами, несомненно, существует.

В настоящее время информационное законодательство России насчитывает несколько сотен нормативно-правовых актов, наиболее значимых из которых Конституция Российской Федерации, базовый для информационной сферы Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 147-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ (ред. от 11.07.2011 г.) «Об обязательном экземпляре документов», Федеральный закон от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 01.09.2013 г.) «О средствах массовой информации», Федеральный закон от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне», Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (ред. от 11.07.2011 г.) «О коммерческой тайне», Федеральный закон от 07 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 01.12.2013 г.) «О связи», Федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (изм. и доп.) «Об электронной цифровой подписи».

Теоретическая платформа, позволяющая рассматривать информацию как сложную многоаспектную категорию, выработанную юридической наукой понятийную конструкцию, на сегодняшний день отсутствует. Соответственно, законодатель оперирует не научно обоснованным термином, а общеупотребимым, практически бытовым понятием. Как отмечает О. А. Шубина, состояние терминологии информационного законодательства в научной литературе принято характеризовать как терминологический хаос, преодолеть который с принятием Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации» не удалось [16, с. 77].

Остановимся на аргументации автора подробнее. Появление рассматриваемого понятия в текстах нормативно-правовых актов относится к началу 90-х гг. XX в., периоду, когда теория информации не была освоена гуманитарными науками. С одной стороны, понятие «информация» введено законодателем в текст Конституции Российской Федерации без определения. Советский опыт тоталитарной цензуры и государственной монополии в сфере СМИ требовал превентивных мер по защите прав и свобод, связанных с получением и передачей информации (свобода мысли, слова, массовой информации и проч.). С другой стороны, коммерческая ценность информации детерминировала появление в ст. 128 ГК РФ информации среди традиционных объектов гражданского оборота. В итоге термин легализуется в законодательстве без определения, а «право на информацию», «право на доступ к информации», «право на получение информации» становятся сходными по значению, синонимичными.

Сегодня ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 147-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (с изм. и доп. от: 27 июля 2010 г., 6 апреля, 21 июля 2011 г., 28 июля 2012 г.) содержит 17 дефиниций, среди которых есть определение информации как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления», а доступа к информации – как «возможности получения информации и ее использования».

Вместе с тем в рамках этой статьи Закона наметился сдвиг от информационного подхода в сторону коммуникационного: законодатель вводит легальное определение понятий «обладатель информации», «доступ к информации», «предоставление информации», «распространение информации», «электронное сообщение», весьма близкое по звучанию к классическим терминам коммуникативистики. Возможно, методология информационного права сможет расширить свой эвристический потенциал не за счет совершенствования понятия «информация», имеющего указанные ограничения, а за счет интеграции нового терминологического ряда.

Заключение

Адаптация методологии коммуникативистики к потребностям теории информационного права является трудоемкой задачей. Однако таким образом возможно качественное описание общественных отношений, характерных для информационного общества, и, соответственно, повышение эффективности правового регулирования. Авторы выражают надежду, что противостояние коммуникативистики и информационного подхода в теории информационного права уступит место новому методологическому синтезу.

Список литературы

1. *Гойхман О. Я.* Коммуникативистика в современном обществе // Современная коммуникативистика. 2012. № 1. С. 4–8.
2. *Саблина С. Г.* Коммуникация и общественные связи : западные теории, методология, практика : учеб. пособие. М., 2008. 204 с.
3. *Василькова В. В., Козловский В. В., Хохлова А. М.* Социальные коммуникации : точки роста в исследовательском ландшафте // Социальные коммуникации : профессиональные и повседневные практики : сб. ст. / под ред. В. В. Васильковой, В. В. Козловского, А. М. Хохловой. Вып. 3. СПб., 2010. С. 12–14.
4. *Азаров Н. Н., Бусыгина И. С., Десярев А. Н. [и др.].* Социальные коммуникации в Интернет-среде // Социальная коммуникация в современном мире / под общ. ред. А. А. Деркача, Е. Б. Перельгиной. М., 2004. 446 с.
5. *Шилина М. Г.* Интернет-коммуникация : исследовательские концепции XXI века. К вопросу формирования категориально-понятийного аппарата. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1081> (дата обращения: 15.09.2013).
6. *Горошко Е. И.* Информационно-коммуникативное общество в гендерном измерении. Харьков, 2009. 816 с.
7. *Соколов А. В.* Общая теория социальной коммуникации : учеб. пособие. СПб., 2002. 461 с. // Библиотека учебной и научной литературы. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/sokolov_social_communication/8.aspx (дата обращения: 15.10.2013).
8. *Казанская И.* К научному пониманию феномена Интернета // Актуальные проблемы социогуманитарного знания : сб. науч. тр. МПГУ. М., 2007. С. 145–146.
9. *Крол Э.* Все про Интернет. Киев, 1995. 592 с.
10. *Шеннон К.* Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963. 832 с.
11. *Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А.* Информационное право : учебник. СПб., 2001. 789 с.
12. *Копылов В. А.* Информационное право. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002 // Библиотека учебной и научной литературы. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/kopilov_iform/01.aspx (дата обращения: 15.10.2013).
13. *Расолов М. М.* Информационное право. М., 1999. 400 с.
14. *Латина М. А., Ревин А. Г., Лапин В. И.* Информационное право. М., 2004. 335 с.
15. *Бачило И. Л.* Проблемы развития информационного законодательства // Информатизация и связь. 2010. № 1. С. 82–87.
16. *Шубина О. А.* Теоретико-правовой анализ категориального аппарата информационного права России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 2. С. 76–77.

Communication Science VS Information Law: Theoretical Problems of the Application of the Information Approach in the Information Law

O. Yu. Golub

Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Communication, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012 Russia
E-mail: goloub@inbox.ru

S. V. Tikhonova

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social Communication, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012 Russia
E-mail: segedasv@yandex.ru

Introduction. In XX century the communication revolution have radically changed the communication space. Humanitarian science has formed its scientific model with difficulty and has spawned a new field interdisciplinary research – communication science. Legal science selected its own way of Internet research. If communication science focuses on consideration of the social aspects of the Internet, legal science is oriented to fixation of product specification Internet. Both of them have chosen source a classic informational approach. **Discussion.** In the information law uses the informational approach. It accentuates the category of information, leaving without attention the genus and species attributes of the processes of the communication, its structure and composition communicants. The logic of separation of the industry of information law in this methodological riverbed is based on singling out a special sphere of social space - information sphere. It unfolds information public relations, i.e. public relation, the object of which is information. However, this approach actualizes the problem of demarcation of information and noninformation public relations. It does not take into account the specifics of technically mediated relations, which are typical for the information society. **Conclusion.** The authors hope that the confrontation of communication and information approach in the theory of information law given place to the new methodological synthesis.

Key words: methodology of information law, information law, communication, communication science, information society.

References

1. Gohjman O. Ja. Kommunikativistika v sovremennom obshchestve [Communication science in modern society]. *Sovremennaja kommunikativistika* [Modern Communication Science], 2012, no. 1, pp. 4–8.
2. Sablina S. G. *Kommunikacija i obshhestvennye svyazi: zapadnye teorii, metodologija, praktika* [Communication science in modern society: Western theories, methodology, practice]. Saratov: Saratov State University, 2008. 204 p.

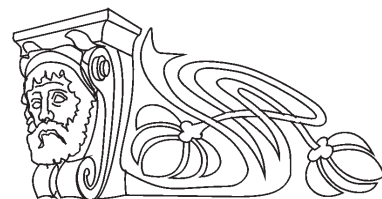
- tion and public relations: Western theory, methodology, practice]. Moscow, 2008. 204 p.
3. Vasil'kova V. V., Kozlovskij V. V., Hohlova A. M. Social'nye kommunikacii: tochki rosta v issledovatel'skom landshafte [Social communication: growth points in the research landscape]. *Social'nye kommunikacii: professional'nye i povsednevnye praktiki* [Social communication: professional and everyday practice]. Ed. by V. V. Vasil'kova, V. V. Kozlovskij, A. M. Hohlova. Iss. 3. St. Petersburg, 2010, pp. 12–14.
  4. Azarov N. N., Busygina I. S., Degtjarev A. N. i dr. Social'nye kommunikacii v Internet-srede [Social communication in the Internet environment]. *Social'naja kommunikacija v sovremennom mire* [Social communication in the modern world]. Ed. by A. A. Derkach, E. B. Perelygina. Moscow, 2004. 446 p.
  5. Shilina M. G. *Internet-kommunikacija: issledovatel'skie koncepcii XXI veka. K voprosu formirovaniya kategorial'no-ponjatijnogo apparata* (Internet communication: concepts of the XXI century. On the question of forming the categorical and conceptual apparatus). Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1081> (accessed 15 September, 2013).
  6. Goroshko E. I. *Informacionno-kommunikativnoe obshchestvo v gendernom izmerenii* [Information and communication society in gender dimension]. Harkov, 2009. 816 p.
  7. Sokolov A. V. *Obshchaja teorija social'noj kommunikacii* (General theory of social communication). St. Petersburg, 2002. 461 p. Available at: http://sbiblio.com/biblio/archive/sokolov_social_communication/8.aspx (accessed 15 October, 2013).
  8. Kazanskaja I. K nauchnomu ponimaniju fenomena Interneta [To the scientific understanding of the phenomenon of the Internet]. *Aktual'nye problemy sociogumanitarnogo znaniya* [Actual problems of socio-humanitarian knowledge]. Moscow, 2007, pp. 145–146.
  9. Krol Je. *Vse pro Internet* [All about Internet]. Kiev, 1995. 592 p.
  10. Shennon K. *Raboty po teorii informacii i kibernetike* [Proceeding on information theory and cybernetics]. Moscow, 1963. 832 p.
  11. Bachilo I. L., Lopatin V. N., Fedotov M. A. *Informacionnoe pravo* [Informational law]. St. Petersburg, 2001. 789 p.
  12. Kopylov V. A. *Informacionnoe pravo* (Informational law). Moscow, 2002. Available at: http://sbiblio.com/biblio/archive/kopilov_iform/01.aspx (accessed 15 October, 2013).
  13. Rassolov M. M. *Informacionnoe pravo* [Informational law]. Moscow, 1999. 400 p.
  14. Lapina M. A., Revin A. G., Lapin V. I. *Informacionnoe pravo* [Informational law]. Moscow, 2004. 335 p.
  15. Bachilo I. L. Problemy razvitija informacionnogo zakonodatel'stva [Problems of information legislation development]. *Informatizacija i svjaz'* [Informatization and communication], 2010, no. 1, pp. 82–87.
  16. Shubina O.A. Teoretiko-pravovoj analiz kategorial'nogo apparata informacionnogo prava Rossii [Theoretical-legal analysis of categorical information law of Russia]. *Zhurnal zarubeznogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija* [Journal of foreign legislation and comparative law], 2011, no. 2, pp. 76–77.

УДК 347.9

ОБЖАЛОВАНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА О НАЛИЧИИ У НЕГО КОМПЕТЕНЦИИ, ВЫНЕСЕННОГО КАК ПО ВОПРОСУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

П. Д. Гринёв

аспирант кафедры арбитражного процесса,
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: pavel_grinev@mail.ru.

Введение. На сегодняшний день существует объективная необходимость контроля и проверки государственными арбитражными судами деятельности международных коммерческих арбитражей. Одной из форм проявления отмеченной выше деятельности является вынесение международным арбитражем постановления о наличии у него компетенции, рассмотренного как по вопросу предварительного характера. При этом в настоящее время в российском законодательстве существуют определенные коллизии и пробелы в области судебного разбирательства по данной категории дел, а равно отсутствует единообразная судебная практика. В настоящей статье проводится комплексный систем-

но-правовой анализ действующего законодательства и судебной практики по данному вопросу, а также даны рекомендации по преодолению правовых коллизий. **Методы.** При написании настоящей статьи широко использовался диалектический подход к изучению института проверки государственным арбитражным судом компетенции международного коммерческого арбитража, позволяющий видеть последний в его становлении, развитии, взаимодействии и противоречии. Кроме того, методологической основой настоящей статьи стали такие принципы научного познания, как историзм, объективность и системность. Были использованы нормативно-логический метод, метод сравнитель-